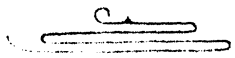
И. И. Ягодинскій.
Приватъ-доцентъ Казанскаго Университета.

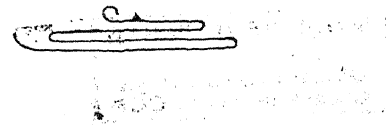
СОФИСТЪ ПРОТАГОРЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1906

И. И. Ягодинскій.
Приватъ-доцентъ Казанскаго Университета.

СОФИСТЪ ПРОТАГОРЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1906.

1 В

В
265

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Александровъ.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
751
68

Характеристика софистовъ.

Слово софистъ имѣло въ Греціи разныя значенія. Геродотъ называлъ софистами Солона и Пиѳагора, Софоклъ изобрѣтательныхъ людей вообще. Эврипидъ въ своемъ Ипполитѣ употребляетъ это слово въ значеніи хитреца, и со второй половины V вѣка до Р. Х. такое значеніе становится преобладающимъ [1]). Къ концу V вѣка слово софистъ становится даже позорнымъ и является синонимомъ словъ клеветникъ, болтунъ и фокусникъ [2]), что отчасти напоминаетъ ходячее пониманіе этого слова въ настоящее время: софистомъ обыкновенно называютъ человѣка, прибѣгающаго къ разнаго рода уловкамъ, чтобы доказать завѣдомо ложную мысль [3]). Кто же такіе были софисты въ дѣйствительности и почему слово софистъ такъ быстро измѣнило свое значеніе? Софисты были преподавателями необходимыхъ для успѣха въ практической

---

[1]) А. П. Гиляровъ. «Греческіе софисты». (Москва, 1888 г. стр. 13).

[2]) Ib. 17. А. Покровскій говоритъ, что словомъ *σοφιστής* «первоначально обозначались всякіе вообще искусники, въ томъ числѣ и бродячіе скоморохи». «(О краснорѣчіи у древнихъ эллиновъ». Нѣжинъ. 1903 г., стр. 42). Тутъ же въ примѣчаніи указано на близость словъ *σοφιστής* и *φιλόσοφος*. Примѣчаніе очень богато историко-литературными и библіографическими данными.

[3]) «Греческіе софисты», стр. 11.

жизни знаній и умственной ловкости [1]). Въ серединѣ V вѣка до Рож. Христ. общественная жизнь Греціи кипѣла, демократическія учрежденія процвѣтали. Каждый чувствовалъ себя гражданиномъ, каждый могъ высказаться,—сегодня засѣдалъ въ судѣ, завтра выступалъ ораторомъ на Пниксѣ, — каждому было необходимо находиться въ курсѣ вопросовъ дня и, слѣдовательно, каждый долженъ былъ быть политически образованъ. Учились всѣ, у кого была потребность въ политической дѣятельности и просвѣщеніи. Софисты удовлетворяли этой потребности. Между тѣмъ мѣнялось время, мѣнялись нравы. Задачи одного поколѣнія не находили сочувствія въ другомъ, а противодѣйствіе Сократа и критика такихъ философовъ, какъ Платонъ и Аристотель, служили къ тому, что дѣятельность однихъ софистовъ смѣшивали съ дѣятельностью другихъ: старшихъ софистовъ не отличали отъ младшихъ, а между ними была громадная разница—первые примыкали въ своихъ ученіяхъ къ обще философскому движенію Греціи, вторые—занимались почти исключительно эристикой [2]), не заявивъ себя ничѣмъ самостоятельнымъ [3]). Укажемъ основной характеръ дѣятельности старшихъ софистовъ, ея такъ сказать Leitmotiv, поскольку она выразилась въ теоретическихъ построеніяхъ.

---

[1]) Ib. 37. На этой и слѣдующей страницахъ А. Н. Гиляровъ подробно излагаетъ результатъ своего изслѣдованія по исторіи слова софистъ.

[2]) Ib. 38.

[3]) А. Н. Гиляровъ различаетъ три категоріи софистовъ. «Мы должны, говоритъ онъ, дѣлать различіе между именитыми родоначальниками софистическаго искусства—Протагорою, Продикомъ, Горгіемъ, Гиппіемъ, ихъ младшими современниками—Поломъ, Ѳразимахомъ и др. и тѣми безъимянными учителями добродѣтели, которыхъ Исократъ называетъ стадными софистами, всезнающими и повсюду быстро поспѣвающими. Первые были рѣзкими выразителями субъективизма только въ теоретической философіи, а въ нравственной области проводили субъективизмъ не столько въ теоріи, сколько на дѣлѣ; вторые слѣдовали субъективизму одинаково рѣзко какъ теоретически, такъ и практически; третьи были лишь послушнымъ оруді-

Вѣкъ софистовъ былъ вѣкомъ разцвѣта личнаго самосознанія въ Греціи [1]). Люди выросли подъ впечатлѣніемъ персидскихъ войнъ и великій идеалъ свободы никогда уже не терялъ въ ихъ глазахъ своего обаянія [2]). Потерялъ значеніе авторитетъ, возросла вѣра въ себя; автономная личность жаждала всюду заявить свои права и заявила ихъ не только въ сферѣ религіи и политики, но и въ сферѣ морали: развился субъективизмъ, нѣкоторое время спустя получившій преобладаніе во всѣхъ проявленіяхъ греческой жизни, въ искусствѣ и въ философіи. Этотъ субъективизмъ и нашелъ себѣ оправданіе въ ученіяхъ софистовъ. Еще неяснымъ формамъ софисты дали законченное выраженіе, теоретически оправдали то, съ чѣмъ заставляла считаться практика. У каждаго изъ софистовъ была своя формула, но въ общемъ всѣ они говорили одно и тоже. Продикъ училъ о внѣшнихъ благахъ: „каковы пользующіеся вещами люди, таковы и вещи“ [3]). Горгій говорилъ о непознаваемости вещей: „нѣтъ никакого бытія, а если есть, то оно непознаваемо; если же оно и есть и познаваемо, то оно таково, что его нельзя сдѣлать понятнымъ для другихъ“ [4]). Тождественность этихъ формулъ очевидна. Смыслъ ихъ тотъ, что на все нужно смотрѣть съ личной точки зрѣнія.

Реабилитація существующихъ взглядовъ, высказанная въ ученіяхъ софистовъ, отличалась большой полнотой. Были затронуты и теорія познанія, и психологія, и законодательство, и ученіе о справедливости, и существованіе рабства, котораго не признавалъ одинъ изъ софистовъ. *Ἐλευθέρους ἀφῆκε πάντας θεός, οὐδένα δοῦλον ἡ φύσις πεποίηκε*, говорилъ Аклидамантъ [5]),—

емъ чужого субъективизма». Ib. 42. Въ этомъ краткомъ очеркѣ мы считаемъ возможнымъ полагать различіе только между творцами софистики и ихъ послѣдователями, почему принимаемъ двѣ категоріи: старшихъ и младшихъ софистовъ.

[1]) Ib. 41

[2]) Ю. Белохъ. Исторія Греціи. (Москва, 1897 г. Томъ I. стр. 349).

[3]) (Pseudo) Plato, Eryxias, 397. D.

[4]) Fragmenta philosophorum graecorum. Instr. Fr. Mullachius. Ed. Didot. 1873 г. Vol I. p. 302.

[5]) Fr. 1 (Muller).

боги всѣхъ создали свободными, нѣтъ рабовъ по природѣ. Въ своихъ теоретическихъ изысканіяхъ софисты пользовались трудами предшествующихъ философовъ: Парменида, Гераклита, Эмпедокла, Демокрита, Анаксагора. Нѣкоторые изъ нихъ исходили изъ ученій опредѣленной школы, напр. Горгій— изъ ученія Элейцевъ. Смотря по личной талантливости, образованности и уму, софисты пользовались болѣе или менѣе обширнымъ вліяніемъ. Самымъ знаменитымъ, а можетъ быть и самымъ талантливымъ изъ софистовъ, былъ Протагоръ [1]).

Жизнь Протагора.

Протагоръ родился въ Абдерѣ, во Ѳракіи, на берегу Эгейскаго моря. Отца его звали по однимъ источникамъ Артемонъ, по другимъ Меандръ. У кого и какой философской дисциплинѣ обучался Протагоръ, достовѣрно неизвѣстно. Сохранилось преданіе, не безъ прикрасъ изложенное Авломъ Гелліемъ въ „Аттическихъ ночахъ“ и, по свидѣтельству Діогена Лаерція, записанное самимъ Эпикуромъ [2]), будто бы Протагоръ былъ сначала носильщикомъ тяжестей, и философъ Демокритъ, также уроженецъ Абдеры, замѣтивъ, какъ онъ ловко связывалъ свои дрова, чтобы ихъ удобнѣе было нести, удивился сообразительности Протагора и счелъ его достойнымъ заниматься философіей, для чего принялъ въ число своихъ учениковъ [3]); но это преданіе считается вымы-

---

[1]) Таково, напр. мнѣніе Авла Геллія (Noctes atticae. Lib. V, cap. 10), который называетъ Протагора: «sophistarum acerrimum».

[2]) Diogen. Laert. IX. 53.

[3]) Вотъ отрывокъ изъ Авла Геллія: «Protagorum virum in studiis doctrinarum egregium, cujus nomen Plato libro suo illi inclito inscripsit, adolescentem ajunt victus quaerendi gratia in mercedem missum vecturasque onerum corpore suo factitavisse, quod genus Graeci ἀχθοφόρους vocant, latine bajulos appellamus. Is de proximo rure Abderam in oppidum, cujus popularis fuit, candices ligni plurimos funiculo brevi circumdatos portabat. Tum forte Demo-

сломъ[1]). Во первыхъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, отецъ Протагора былъ достаточно богатъ, а во вторыхъ, Демокритъ былъ моложе Протагора лѣтъ на 20 [2]). Протагоръ былъ до такой степени краснорѣчивъ, что въ Абдерѣ, если вѣрить Эліану [3]), граждане называли его λόγος. Влекомый жаждой славы, онъ отправился путешествовать по Греціи, и всюду сопровождаемый успѣхомъ, въ 451 г. пришелъ въ Аѳины. Здѣсь ему хотѣлось посвятить себя риторикѣ въ связи съ философіей. Онъ былъ въ Греціи первымъ философомъ, учившимъ за плату. Платонъ прямо говоритъ объ этомъ [4]), а Діогенъ Лаерцій прибавляетъ, что Протагоръ бралъ за ученіе до 100 минъ [5]). Во всякомъ случаѣ, эти извѣстія даютъ возможность заключить, что слава Протагора была дѣйствительно велика. Обладая выдающимися способностями, онъ завоевалъ себѣ сочувствіе Перикла, чуть ли не сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ. Онъ сопровож-

---

critus, civitatis ejusdem civis, homo ante alios virtutis et philosophiae gratia venerandus, cum egrederetur extra urbem, videt eum cum illo genere oneris tam impedito ac tam incohibili facile atque expedite incedentem, et prope accedit et junctaram posituramque ligni scitè periteque factam considerat petitque, ut paullum acquiescat. Quod ubi Protagoras, ut erat petitum, fecit atque itidem Democritus acervum illum et quasi orbem caudicum, brevi vinculo comprehensum, ratione quodam quasi geometrica librari continerique animadvertit, interrogavit, quis id lignum ita composuisset; et cum ille a se compositum dixisset, desideravit, uti solveret ac denuo in modum eundem collocaret. At postquam ille solvit ac similiter composuit, tum Democritus animi aciem sollertiamque hominis non docti demiratus: Mi adolescens, inquit, quum ingenium bene faciendi habeas, sunt majora melioraque quae facere me cum possis, abduxitque eum statim secumque habuit et sumtum ministravit et philosophias docuit et esse cum fecit, quantus postea fuit. (Noctes atticae. lib. V, cap. 3).

[1]) Вопросъ о томъ, кто былъ учителемъ Протагора подробно разбирается въ книгѣ П. Скворцова. («Платонъ о знаніи». Анализъ діалога Теэтетъ. Москва. 1871. Стр. 101—103). Въ общемъ Скворцовъ держится мнѣнія Фрея и Муллаха.

[2]) Подробнѣе смотри объ этомъ у Муллаха. Fragmenta philosophorum Graecorum. v. II. 1881 г., стр. XVII.

[3]) Aelianus. Var. his. IV, 20.

[4]) Plato. Protagoras. 349. A.—*πρῶτος τούτου μισθὸν ἀξιώσας ἄρνυσθαι*.

[5]) Белохъ считаетъ это не достовѣрнымъ, (Истор. Греціи. Томъ. I, стр 331) хотя полагаетъ, что учителя философіи и реторики получали сравнительно очень высокую плату.

далъ аѳинскихъ колонистовъ въ Турій, чтобы написать имъ законы [1]). Ради славы сицилійскихъ риторовъ Коракса и Тизія, изобрѣтателей ораторскаго искуства, онъ ѣздилъ въ Сицилію, гдѣ и оставался, до возвращенія въ Аѳины въ 435 г. до Р. Х. [2]). Изъ Платонова Діалога „Протагоръ“ видно, въ какомъ обществѣ вращался тогда софистъ и какимъ пользовался почетомъ. Около него находились Паралъ и Ксантиппъ— сыновья Перикла, Антимеръ изъ Мендеи, лучшій изъ учениковъ Протагора, Хармидъ, Гиппіи Элейскій, Продикъ, Сократъ и множество слушателей, которые, если вѣрить извѣстіямъ, сопровождали Протагора во время его путешествій по городамъ. Жилъ Протагоръ въ домѣ Каллія, тогдашняго аѳинскаго мецената. Находясь въ постоянныхъ связяхъ съ выдающимися людьми въ Аѳинахъ, Протагоръ читалъ имъ свои сочиненія, напр. книгу о богахъ. Протагоръ велъ также, говорятъ, любопытный процессъ съ однимъ изъ своихъ учениковъ изъ за платы. Процессъ этотъ, вѣроятно, не что иное, какъ басня, но его стоитъ привести, какъ образчикъ греческой софистики тѣмъ болѣе, что объ этомъ процессѣ сообщаетъ и Авлъ Геллій, и Апулей, и Діогенъ Лаерцій“, и Секстъ Эмпирикъ, и Сициліата Доксопатеръ. Лучшая изъ оставшихся редакціи принадлежитъ Аулу Геллію [3]). Между недостатками въ аргументаціи, пишетъ Авлъ Геллій, разсказъ котораго мы приводимъ съ нѣкоторыми сокращеніями, всѣхъ замѣчательнѣе повидимому тѣ, которыя у грековъ называются *ἀντιστρέφοντα*. Они происходятъ оттого, что предложенное доказательство можно вывернуть и обратить противъ лица, которымъ

---

[1]) Diog. Laert., lib. IX, 50. «Nequaquam vero Protagoras civitatis regendae imperitus erat, ut qui non solum virtutis et eloquentiae, verum etiam reipublicae bene administrandae magistrum se profitetur», говоритъ объ этомъ Муллахъ. Fr. ph. gr. v. II, pag. LXVIII.

[2]) Муллахъ. Frag. phil. graec. v. II. p. LXIX.

[3]) Noctes atticae, V, 10

оно было высказано, такъ, что доказательство будетъ имѣть одинаковое значеніе для той и другой стороны. Такимъ доказательствомъ Протагоръ воспользовался противъ своего ученика Эватла. Эватлъ, богатый юноша, жаждалъ изучить судебное краснорѣчіе и отдалъ себя въ науку къ Протагору, за плату, какую тотъ потребовалъ. Половину денегъ Эватлъ отдалъ тотчасъ же, до выучки; относительно остальной условился отдать ее въ первый же день, когда защититъ дѣло и будетъ признанъ судьями побѣдителемъ. Эватлъ долго былъ слушателемъ и спутникомъ Протагора, долго занимался краснорѣчіемъ, а все не бралъ защиты; время шло, и, казалось, онъ вовсе не намѣренъ былъ платить остального. Тогда Протагоръ принялъ, какъ ему думалось, безопасное рѣшеніе: онъ потребовалъ платы по условію, затѣявъ съ Эватломъ тяжбу. Когда учитель и ученикъ пришли ради этого къ судьямъ, Протагоръ началъ рѣчь. „Объясни мнѣ, глупый юноша, сказалъ онъ, который изъ двухъ способовъ приведетъ къ тому, чтобы ты удовлетворилъ мой искъ. Рѣшеніе суда будетъ или противъ тебя или за тебя. Если противъ, то плата должна слѣдовать мнѣ по сущности дѣла, такъ какъ я окажусь побѣдителемъ; если за тебя, то плата должна слѣдовать мнѣ по условію, такъ какъ ты побѣдишь“. Эватлъ на это отвѣтилъ: „Я могъ бы идти навстрѣчу этой твоей двусмысленной уловкѣ, не выступая съ рѣчью самъ, а призвавъ на помощъ другого защитника, но для меня въ этой побѣдѣ будетъ больше удовольствія, если я выйду побѣдителемъ не въ одномъ только процессѣ, а и въ доказательствѣ. Объясни же и ты мнѣ, мудрѣйшій учитель, какой изъ двухъ способовъ приведетъ къ тому, что я не удовлетворю твоего иска. Рѣшеніе суда будетъ или противъ меня или за меня. Если судьи выскажутся за меня, то тебѣ ничего не придется получить по рѣшенію, ибо я окажусь побѣдителемъ; если же противъ меня, то тебѣ ничего не будетъ слѣдовать по условію, такъ какъ я не выйду побѣдителемъ“. Судьи, полагая, что слова того и другого оратора сомнительны и ма

ло понятны, чтобы не высказаться ни въ ту, ни въ другую сторону, затянули дѣло [1]). Итакъ, прибавляетъ Геллій, юношей былъ побѣжденъ знаменитый учитель краснорѣчія".

Подъ конецъ жизни счастье измѣнило Протагору: онъ былъ обвиненъ однимъ изъ своихъ учениковъ въ религіозномъ вольнодумствѣ. Поводомъ послужила упомянутая книга о Богахъ, въ началѣ которой Протагоръ написалъ: „относительно боговъ, я не могу знать, есть они или нѣтъ; многое препятствуетъ этому: неясность предмета и краткость человѣческой жизни". Отчаявшись въ спасеніи, Протагоръ рѣшилъ искать помощи въ бѣгствѣ на кораблѣ. Онъ отправился въ Сицилію и на пути вмѣстѣ съ кораблемъ погибъ во время бури, около 70 лѣтъ отъ роду, въ 411 г. до Р. Х.

Сорокъ лѣтъ преподавалъ Протагоръ философію и краснорѣчіе, сдѣлавшись извѣстнымъ во всей Греціи. Со своими учениками онъ штудировалъ поэтовъ, особенно Симонида, изучалъ миѳы и преданія. Сочиненій Протагоръ написалъ много. Хотя книги его подверглись въ Аѳинахъ опалѣ, и были публично сожжены [2]), но нѣкоторые изъ нихъ оставались еще на лицо въ III вѣкѣ до Р. Х. Ими пользовались Платонъ, Плутархъ, Діогенъ Лаерцій. Это были сочиненія: Искуство споровъ. О борьбѣ. О наукахъ. О государствѣ. О честолюбіи. О добродѣтеляхъ. Объ избраніи на государственную должность [3]). О тѣхъ, кто въ аду.

---

[1]) То же самое разсказывается Секстомъ Эмпирикомъ о Кораксѣ и объ одномъ изъ его учениковъ. По этому разсказу судьи: *εἰς ἐποχὴν δὲ καὶ ἀπορίαν ἐλθόντες διὰ τὴν ἰσοσθένειαν τῶν ῥητορικῶν λόγων ἀμφοτέρους ἐξέβαλον τοῦ δικαστερίου ἐπιφωνήσαντες τὸ „ἐκ κακοῦ κόρακος κακὸν ᾠόν"*. Sext. Emp. Math. Lib. II, 96,

[2]) «Libros certe ejus undique conquisitos in contione combustos esse inter auctores convenit», говоритъ Муллахъ. Frag. ph. gr. II v., LXXI p.

[3]) По свидѣтельству Діогена Лаерція, это сочиненіе называется по гречески *περὶ τῆς ἐν ἀρχῇ κατασθάσεως*, что можетъ имѣть двойной смыслъ и тотъ, который мы даемъ въ переводѣ и другой: «О первоначальномъ состояніи міра». Мы вмѣстѣ съ Бернайсомъ думаемъ, что помѣщенный въ текстѣ переводъ вѣрнѣе, ибо *κατάσθασις* есть реторическій терминъ для *προοίμιον*. (Die *καταβάλλοντες* des Protagoras. I. Bernays. Rheinisches Museum für Philologie. 1850, 466).

О поступившихъ несправедливо съ людьми. Наставленія. Сужденіе о платѣ. Двѣ книги опроверженій. О существующемъ. Послѣднее сочиненіе имѣло кажется еще названіе „Истина“ [1]). Ото всѣхъ этихъ сочиненій до насъ дошло отъ Протагора только 8 отрывковъ [2]), которые большею частью состоятъ изъ короткихъ фразъ.

Теорія познанія Протагора.

Такое въ высшей степени незначительное, ipsissimis verbis оставшееся наслѣдство отъ Протагора дѣлаетъ очень затруднительнымъ возстановленіе его ученія не только въ полномъ объемѣ, но и въ предѣлахъ частныхъ вопросовъ:—приходится прибѣгать къ второстепеннымъ источникамъ, приводить на помощь различныя толкованія взглядовъ софиста, даже излагать свѣдѣнія, сохранившіяся у случайныхъ писателей. Наиболѣе достовѣрными источниками философіи Протагора считаются сочиненія Платона, Аристотеля и Секста Эмпирика [3]). Изъ нихъ, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе прежде всего Аристотелю, а затѣмъ Сексту Эмпирику. Аристотель, пользовавшійся подлинными сочиненіями Протагора, говоритъ о немъ мало, но за то имѣетъ за собой

---

[1]) Слѣдуетъ думать что «Двѣ книги опроверженій» и «О существующемъ» были главными сочиненіями Протагора діалектическаго характера. Книга *περὶ τοῦ ὄντος* кромѣ названія *ἀλήθεια*, какъ это говоритъ Платонъ, можетъ быть еще носила названія *καταβάλλοντες*, какъ нужно думать по сообщенію Секста Эмпирика. Объ этомъ вопросѣ смотри любопытную страницу (467) въ только что указанной статьѣ Бернайса. См. также Скворцовъ: («Платонъ о знаніи». Анализъ діалога Теэтетъ, стр. 107—108).

[2]) Отрывки отъ сочиненій Протагора собраны Муллахомъ въ цитированномъ трудѣ: Fragm. ph. graec. v. II, стр. 130—134. Почти всѣ они въ нашей статьѣ приведены въ переводѣ.

[3]) Объ источникахъ и пособіяхъ для изученія философіи Протагора см. Скворцовъ: «Платонъ о знаніи». Стр. 19—20; Zeller. Phil. d. Griech. v. I[1]., p. 943, примѣчаніе I; также Муллахъ, у котораго приведено много выписокъ изъ источниковъ.

провѣренный авторитетъ „отца исторіи философіи“. Секстъ Эмпирикъ, излагая мнѣнія Протагора съ объясненіями, долженъ имѣть за собой довѣріе, какъ человѣкъ приблизительно раздѣлявшій излагаемое имъ ученіе: ему незачѣмъ было искажать Протагора [1]). Что касается Платона, то, хотя онъ стоялъ по времени ближе къ Протагору и излагалъ ученіе софиста подробнѣе другихъ—его изложеніе носитъ явно полемическій характеръ, и, на нашъ взглядъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, напр. Целлера [2]) не можетъ быть положено въ ос-

---

[1]) Цѣнность свидѣтельствъ Секста Эмпирика признаетъ Скворцовъ. («Платонъ о знаніи. Анализъ діалога Теэтетъ». Стр 24—26). Въ виду исключительной важности, которую имѣетъ для нашихъ выводовъ Секстъ Эмпирикъ, приведемъ также слова Брошара изъ его статьи: Protagoras et Démocrite (Archiv für Geschichte der Philosophie. II, 1889, 368—378). Указывая на отрицательное отношеніе многихъ критиковъ, между прочимъ Natorp'a, къ свидѣтельствамъ Секста, Брошаръ говоритъ: «En général, les témoignages de Sextus ne sont pas de ceux, qu'on doive tenir pour suspects» (p. 370) и далѣе «De quel droit supposer, que l'écrivain très intelligent et très judicieux, qu'on avoue être bien informé dans un de ses ouvrages, se soit laissé aller dans un autre livre, pour les besoins de sa cause (qui pouvait fort bien être défendue sans recourir à cet expédient) a accueillir une interprétation suspecte et fausse?» (p. 371). Брошаръ думаетъ, что Секстъ имѣлъ подъ руками подлинныя сочиненія Протагора, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

[2]) Целлеръ почти все изложеніе философіи Протагора основываетъ на Теэтетѣ Платона. Онъ приводитъ въ примѣчаніяхъ выписки изъ этого діалога, а затѣмъ подтверждаетъ ихъ свидѣтельствами Аристотеля и Секста Эмпирика. Между тѣмъ, достовѣрность Платона, какъ источника въ дѣлѣ изученія Протагора, сомнительна уже потому, что въ его изложеніи трудно отличить, гдѣ находится то, что дѣйствительно принадлежитъ Протагору отъ того, что принадлежитъ другимъ родственнымъ философамъ. Даже тамъ, гдѣ Платонъ, видимо, передаетъ подлинныя placita Протагора, можно сомнѣваться въ точности ихъ передачи. Платонъ, по словамъ Вебера, излагалъ Протагора sua sentendi dicendique forma. (Скворцовъ. «Платонъ о знаніи». Стр. 27). Эти слова получатъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что Платоновская интерпретація ученія Протагора также не всѣми считается вѣрной. См. напр. Виндельбанда (Исторія древней философіи. Петербургъ. 1893. Стр. 99; мелкій шрифтъ), который говоритъ: «Главнымъ источникомъ къ изученію теоріи познанія Протагора служитъ діалогъ Платона Теэтетъ, но еще можно спорить, слѣдуетъ ли ее въ томъ видѣ, какъ она тамъ изложена, приписывать самому Протагору». Не раздѣляя первой половины этого мнѣнія почтеннаго историка философіи, мы всецѣло примыкаемъ ко второй.

нованіе изученіе философіи Протагора. Свидѣтельства Платона мы приведемъ, какъ дополненіе къ подлиннымъ отрывкамъ изъ сочиненій Протагора и комментаріямъ на нихъ Аристотеля и Секста Эмпирика. Такимъ образомъ, по весьма скуднымъ даннымъ, можно сказать мелкимъ штрихамъ, стараясь реставрировать погибшую картину ученія великаго софиста, мы сначала приведемъ подлинные его placita въ томъ видѣ, какъ они установлены Муллахомъ, а затѣмъ укажемъ, какія разъясненія даны были къ нимъ Секстомъ Эмпирикомъ и къ какимъ выводамъ анализъ ихъ привелъ Аристотеля. Начнемъ съ главнаго—теоріи познанія. *Πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος*, говоритъ Протагоръ, *τῶν μὲν ἐόντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ μὴ ἐόντων ὡς οὐκ ἔστι* [1]) — человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, существующихъ, какъ они существуютъ и не существующихъ, какъ они не существуютъ. Секстъ Эмпирикъ въ своихъ *Πυῤῥονείων ὑποτυπόσεων* комментируетъ эти слова: подъ вещами, по его мнѣнію, надо понимать все случившееся вообще, такъ что можно сказать: человѣкъ есть критерій всѣхъ событій, существующихъ, какъ они существуютъ и не существующихъ, какъ они не существуютъ [2]). „Подтвержденіемъ этому, продолжаетъ Секстъ въ другомъ мѣстѣ [3]), является самая формула, въ которой есть противоположеніе“. Пусть кто нибудь скажетъ: человѣкъ есть критерій не всѣхъ вещей. Тотъ кто будетъ говорить—самъ человѣкъ. Слѣдовательно, высказывая теоретически отрицательное сужденіе, онъ тѣмъ самымъ практически будетъ ему какъ бы противорѣчить. Въ каждый дан-

---

[1]) Такъ, по свидѣтельству Діогена Лаерція, начиналось главное сочиненіе Протагора. Муллахъ принимаетъ эту формулу, видимо, на основаніи сравнительнаго изученія многихъ текстовъ. Аристотель передаетъ ее короче: *ἐκεῖνος* (*Πρωταγόρας*) *ἔφη πάντων χρημάτων εἶναι μέτρον ἄνθρωπον*· Metaph. lib. X, cap. 6, стр. 1062.

[2]) Sextus Empiricus ex recognitione J Bekkeri. 1842 г. стр. 49, § 216.

[3]) Ib. Стр. 202. § 61: *μαρτυρεῖν φαίνεται τούτῳ ὁ ἀντικείμενος λόγος.*

ный моментъ судитъ человѣкъ, и каковы бы ни были его сужденія, они всегда принадлежатъ ему и отъ него зависятъ. „Поэтому, добавляетъ Секстъ, сумасшедшій есть вѣрный критерій того, что явилось ему въ сумасшедшемъ бреду, спящій того, что было съ нимъ во снѣ, глупый младенецъ того, что случилось съ нимъ въ дѣтствѣ, а старикъ того, что онъ пережилъ въ старости“ [1]). Такимъ образомъ, согласно изложенію Секста Эмпирика, въ основѣ положенія Протагора лежитъ субъективизмъ. Аристотель подтверждаетъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ дальнѣйшіе выводы. Пусть, по Протагору, что кому кажется, то и вѣрно. „Допустивъ это, говоритъ Аристотель, нужно будетъ принять, что одна и таже вещь и существуетъ и не существуетъ, одно и тоже есть и добро и зло; вообще нужно будетъ принять, что обо всемъ могутъ быть высказаны противоположности; отсюда часто бываетъ, что однимъ—вещь кажется прекрасной, другимъ—нѣтъ и что для каждаго то, что ему кажется, есть мѣра“ [2]). „Если же все то, что кажется и является—истинно, то необходимо все должно быть заразъ истинно и ложно“ [3]). Первое слѣдствіе изъ положенія Протагора, относясь къ области логики, проводитъ къ невозможности прочно обоснованныхъ сужденій. На тоже самое указываетъ Секстъ Эмпирикъ, замѣчая, что „Протагора нѣкоторые причисляютъ къ толпѣ философовъ, не признающихъ критерія истины, ибо онъ говоритъ, что истинны всѣ явленія и всѣ мнѣнія“ [4]). Вторая мысль, заключающаяся въ положеніи Протагора, касается основанія теоріи познанія. Протагоръ назвалъ человѣка, говоритъ Аристотель въ своей Метафизикѣ, мѣрой всѣхъ вещей, полагая его нѣкоторымъ образомъ познающимъ или чувственно воспринимающимъ [5]).

---

[1]) Ib. Стр. 203.

[2]) Aristotelis Metaphysica. K. 6. 1062b.

[3]) Ib. Г. 5. 1009a.

[4]) Sextus Empiricus, стр. 203. § 60.

[5]) Aristot. Metaph. I. 1. 1053a.

Въ другомъ мѣстѣ той же Метафизики Аристотель добавляетъ: „если бы не было чувственно воспринимающаго, то не было бы ни холоднаго, ни теплаго, ни сладкаго, ни вообще ощущаемаго; а это вполнѣ согласуется съ мнѣніемъ Протагора“ [1]). Аристотель вполнѣ опредѣленно высказалъ основаніе, на которомъ могло зиждиться положеніе Протагора. Не будь чувственно воспринимающаго, не происходи знанія изъ ощущеній, нельзя было бы сказать, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Секстъ Эмпирикъ, съ своей точки зрѣнія, дѣлаетъ дальнѣйшія разъясненія по тому же вопросу. „Протагоръ говорилъ, пишетъ онъ [2]), что матерія текуча, а при ея текучести всегда происходитъ нѣкоторое присоединеніе взамѣнъ того, что убыло, и ощущенія приводятся въ иной порядокъ, измѣняются сообразно съ возрастомъ и другими состояніями тѣлъ. Протагоръ утверждаетъ также, что основанія всѣхъ явленій лежатъ въ матеріи, что матерія имѣетъ силу, что поскольку въ ней все есть, по стольку оно для всѣхъ и является“ [2]). Измѣнчивость ощущеній сама по себѣ нуждается въ обоснованіи и это обоснованіе Секстъ Эмпирикъ видитъ въ положеніи Протагора, что матерія текуча.

Посмотримъ, что̀ къ свѣдѣніямъ Аристотеля и Секста прибавляетъ Платонъ. Въ діалогѣ Теэтетъ, Платонъ не малое количество страницъ посвящаетъ Протагору. Изложивъ мнѣніе Теэтета, что знаніе есть ощущеніе, Платонъ сближаетъ это мнѣніе съ положеніемъ Протагора: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. По взгляду Платона формулы того и другого тождественны [3]). Явленіе реально для того, кому оно является, а являться и чувствовать одно и тоже; отсюда чувствен-

---

[1]) Ib. θ. 3 1047a. Въ другой книгѣ Метафизики (B. 2. 998a). Аристотель замѣчаетъ, что Протагоръ указывалъ на несоотвѣтствіе математическихъ понятій дѣйствительности.

[2]) Sextus Empiric. стр. 49 §§ 217—218.

[3]) Plato. Таэтетъ. ed. Stéphani 152 p.

ное ощущеніе, поскольку оно есть знаніе, всегда истинно. Этотъ сенсуализмъ обусловливается Гераклитовскимъ принципомъ вѣчнаго движенія. Платонъ рисуетъ картину, какимъ образомъ происходитъ познаніе, согласно ученію Протагора. Движеніе бываетъ двухъ родовъ: дѣятельное и страдательное [1]); отъ ихъ взаимодѣйствія рождаются чувствованіе и чувственная вещь, которая возникаетъ одновременно съ соотвѣтствующимъ ей чувствованіемъ. Напр., когда глазъ и данный предметъ произвели бѣлизну и соотвѣтствующее чувственное ощущеніе, то при встрѣчномъ движеніи бѣлизны къ предмету и зрѣнія къ глазу, глазъ наполняется зрѣніемъ, дѣлается видящимъ; точно также предметъ наполняется бѣлизной и дѣлается бѣлымъ, будь это дерево, камень или что нибудь другое. Качества, такимъ образомъ, происходятъ черезъ движенія, а вещей самихъ по себѣ нѣтъ [2]), ибо нѣтъ ничего активнаго до того момента, какъ оно соединится съ пассивнымъ, ни пассивнаго, прежде чѣмъ оно соединится съ активнымъ. Въ этомъ описаніи процесса познанія и содержащихся въ немъ идеяхъ заключается все существенное, что Платонъ прибавляетъ къ извѣстнымъ уже намъ даннымъ философіи Протагора. Подводя итогъ сказанному и разсматривая основное положеніе Протагора съ точки зрѣнія объясненій всѣхъ приведенныхъ нами писателей—Аристотеля, Секста Эмпирика и Платона, мы должны будемъ сказать, что ученію Протагора принадлежитъ пять теоремъ: матерія текуча; матерія безкачественна; знаніе происходитъ изъ ощущеній [3]); подлинная форма бытія есть относительность; человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей.

---

[1]) Ib. 156. *τῆς δὲ κινήσεως δύο εἴδη πλήθει μὲν ἄπειρον ἑκάτερον, δύναμιν δὲ τὸ μὲν ποιεῖν ἔχον, τὸ δὲ πάσχειν.* etc.

[2]) *Αὐτὸ μὲν καθ' αὑτὸ μηδὲν εἶναι.* Ib. 157.

[3]) Прямое указаніе на это есть у Діогена Лаерція IX. 51: *ἔλεγε* (*Πρωταγόρας*) *μηδὲν εἶναι τὴν ψοχὴν παρὰ αἰσθήσεις.*

Этика Протагора.

Примѣненіе послѣдняго тезиса въ сферѣ человѣческихъ дѣйствій позволяетъ Протагору перейти къ ученію о нравственности. Мы только что приводили слова Аристотеля, которыми онъ указываетъ на возможность по Протагору имѣть о каждой вещи два противоположныхъ сужденія. Самъ Протагоръ высказывается болѣе опредѣленно: *Δύο λόγοι εἰσὶ*, говоритъ онъ, *περὶ παντὸς πράγματος ἀντικείμενοι ἀλλήλοις* [1]), и это утвержденіе дало ему поводъ теоретически не придерживаться никакихъ абсолютныхъ правилъ морали. Два—три лица и тѣ могли, какъ полагаетъ Протагоръ, не сойтись относительно оцѣнки какой нибудь данной вещи. Каждый видѣлъ ее сквозь призму собственнаго своего, ему одному присущаго, пониманія. Отсюда вытекалъ нравственный индифферентизмъ. Но теорія не всегда идетъ объ руку съ практикой. Человѣкъ отзывчивый, прошедшій долгую житейскую школу, Протагоръ придерживался ходячей морали своего времени [2]). Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ Платонъ въ діалогѣ „Протагоръ“. Изъ діалога „Протагоръ“ также видно, что добродѣтель софистъ понималъ, какъ нѣчто прекрасное, что истиннымъ удовольствіемъ онъ считалъ удовольствіе эстетическое, и что не всякая боль есть зло. Такія мнѣнія однако рисуютъ Протагора больше какъ человѣка, чѣмъ какъ философа. Относительно его теоретическихъ взглядовъ на нравственность можно сказать, что нравственный индифферентизмъ, вытекавшій изъ его теоріи познанія, не убилъ въ немъ желанія объяснить происхожденіе того, что

---

[1]) Diog. Laert. Ib. Это по мнѣнію Бернайса второе главное положеніе философіи Протагора. См. 466 стр. цитированной выше статьи Rhein. Mus.

[2]) Zeller. I[4]. 1001. «Protagoras verheisst bei Plato seinem Schüler, er solle jeden Tag, den er in seiner Gesellschaft zubringe, besser werden; er will ihn zu einem guten Hausfater und einem wackern Bürgen machen».

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

онъ встрѣчалъ въ обществѣ, какъ готовую нравственную основу. Пониманіе нравственныхъ устоевъ могло быть личнымъ, но происхожденіе ихъ необходимо было объяснить. Протагоръ это чувствовалъ и изложилъ свое объясненіе въ видѣ мѳа. Мѳъ этотъ рисуетъ картину происхожденія человѣческихъ обществъ. Мы приведемъ часть его въ пересказѣ, часть цѣликомъ. Было время—людей не существовало; когда боги захотѣли образовать ихъ изъ огня и земли, Прометею и Эпиметею было приказано дать каждому изъ нихъ приличныя силы. Эпиметей упросилъ Прометея позволить ему одному исполнить порученіе боговъ и, по своему недомыслію, всѣ дарованія расточилъ на животныхъ, вызванныхъ къ жизни ранѣе человѣка. Между тѣмъ пришелъ Прометей. Желая какъ нибудь спасти человѣка, которому ничего не осталось, онъ похитилъ у Аѳины и Гефеста мудрость и огонь. Онъ отдалъ ихъ обиженному творенію и, такимъ образомъ, человѣкъ получилъ житейскую мудрость. „Когда же, говоритъ Протагоръ, человѣкъ получилъ божескій жребій, то по сродству съ богами, одинъ изъ всѣхъ животныхъ призналъ боговъ, началъ воздвигать имъ жертвенники и кумиры, сталъ искуственно приводить въ порядокъ звуки и слова; изобрѣлъ себѣ жилище, обувь и покровы, изъ земли сталъ извлекать пищу. Устроившись такимъ образомъ, люди сначала жили раздѣльно (обществъ еще не было) и, будучи во всемъ слабѣе звѣрей, погибали отъ нихъ. Мастерство достаточно помогало имъ снискивать себѣ хлѣбъ, но для веденія войны со звѣрями оно было недостаточно: люди еще не имѣли политическаго искуства, часть котораго есть искуство войны. Поэтому они старались собираться въ общества и спасались, строя города; однакожь, собравшись по мѣстамъ и не имѣя политическаго искуства, они обижали другъ друга, такъ что снова должны были разсѣяваться и снова были истребляемы. Тогда Зевсъ, опасаясь, чтобы не погибъ весь нашъ родъ, приказалъ Эрмію низвести къ людямъ стыдъ и правду, которыя служа украшеніемъ

и союзомъ обществъ, водворили бы въ нихъ дружбу. Но Эрмій просилъ Зевса: „Какимъ образомъ даровать людямъ стыдъ и правду? такъ ли ихъ раздѣлить, какъ раздѣлены искуства — а искуства раздѣлены такъ, что, напримѣръ, получившій знаніе врачеванія достаточенъ для другихъ, не имѣющихъ этого знанія — или же стыдъ и правду дать всѣмъ? „Всѣмъ, сказалъ Зевсъ: пусть всѣ имѣютъ ихъ потому, что не бывать обществамъ, если получатъ ихъ только нѣкоторые, какъ это имѣетъ мѣсто относительно искуствъ. При томъ постанови моимъ именемъ, что не имѣющій стыда и правды долженъ быть убитъ, какъ зараза общества“ [1]). Идеи, которыя проповѣдуетъ Протагоръ въ этомъ отрывкѣ могутъ быть формулированы такъ: Развитіе людскихъ обществъ происходитъ отъ простого къ сложному:—отъ образованія отдѣльныхъ семей къ установленію даннаго соціальнаго аггрегата. Этотъ аггрегатъ, въ видѣ городской общины, могъ бы однако самъ по себѣ гарантировать только экономическую обезпеченность, а не общественную безопасность. Пока не явилось сознаніе о личныхъ правахъ каждаго, не было возможно никакое общежитіе. Выработку этого сознанія Протагоръ считаетъ задачей политическаго искуства; поэтому стыдъ и правда, *δίκη* и *αἰδῶς*, извѣстные всѣмъ и каждому, есть первое условіе всякаго соціальнаго строя и безъ нихъ человѣкъ является разрушителемъ своего собственнаго благополучія. Нельзя не согласиться съ Белохомъ, что Протагоръ нашелъ „твердую исходную точку для раціональной этики въ потребности человѣческаго общества“ [2]). Такое ученіе не находилось въ противорѣчіи съ гносеологическимъ принципомъ Протагора [3]). Отмѣчая необходимыя *δίκη* и *αἰδῶς*,

---

[1]) Protagoras. 320C—322D. Переводъ Карпова. (Сочиненія Платона. Часть I. 1841 г. стр. 90—94) мы, въ угоду литературности, слегка исправили.

[2]) Белохъ. Исторія Греціи т. I. 490. Другое мнѣніе см. Zeller I⁴ 1001 — 1002.

[3]) О мифѣ Протагора и его взглядахъ на происхожденіе добродѣтели см. книгу I. A. Stewart'a «The Myths of Plato». London. 1905 г. стр. 220—

какъ существующій фактъ общественной жизни, Протагоръ давалъ полную волю и просторъ личной мѣркѣ въ самомъ толкованіи этихъ понятій. Такимъ образомъ, скептицизмъ Протагора въ его этикѣ могъ сохраниться неизмѣннымъ.

Подробностей этической системы Протагора мы не знаемъ. Можно указать еще только на нѣсколько замѣчаній Протагора, имѣвшихъ чисто практическій, притомъ случайный характеръ. Приведемъ одно изъ нихъ: по свидѣтельству Плутарха, Протагоръ хвалилъ Перикла за его сдержанность, высказанную имъ, когда умерли его сыновья. „Онъ былъ полонъ, сказалъ Протагоръ, душевнаго спокойствія, обстоятельство, которое ему ежедневно много приносило пользы для счастья, для свободы отъ печали и для славы среди толпы. Кто бы ни увидалъ, что онъ спокойно переноситъ свои печали, считалъ его человѣкомъ великой и сильной души, лучшимъ чѣмъ самъ, особенно зная свою собственную слабость въ такихъ дѣлахъ“ [1]). Подобная мысль была вполнѣ умѣстна въ устахъ профессіональнаго учителя житейской мудрости, какимъ не смотря на серіозность своего философскаго мышленія, былъ Протагоръ. Напомнивъ, что религіозныя воззрѣнія Протагора отличались большимъ скептицизмомъ, мы можемъ закончить сводъ мыслей, которыя намъ остались отъ софиста въ области не только морали, но и религіи.

259—особенно III главу объясненій. Stewart указываетъ на различіе между искуствомъ и добродѣтелью. «The gift of Epimetheus is φύσις... But ἀρετή— morality... as distinguished from φύσις and τέχνη, is distributed by Hermes to all men. All men have implanted in them, what may be called «an original moral senses», which education appeals to and awakens», стр. 226. Добродѣтели можно учиться, какъ учатся природному языку. Тутъ есть и сходство и различіе между добродѣтелью и искуствомъ: одна даръ боговъ— другая даръ Прометея, послѣдній украденъ—первая нѣтъ. «Such a doctrine is properly conveyed in Myth», заключаетъ Stewart. стр. 227.

[1]) Mullach. Frag. phil. graec. v. II. 131—132.

Изслѣдованія Протагора въ области другихъ наукъ.—Школа Протагора.

Дѣятельность Протагора не исчерпывалась работами въ области этики и теоріи познанія. Протагоръ былъ также основателемъ изученія орудія рѣчи, языка. Онъ старался рѣшить вопросъ „присущъ ли языкъ человѣку отъ природы или онъ есть плодъ культурнаго его развитія, и съ большой проницательностью высказался за послѣднее объясненіе [1]). Онъ первый [2]) сталъ различать формы рѣчи и далъ имъ названія; онъ первый опредѣлилъ три рода именъ [3]), времена глаголовъ—*μέρη χρόνου*, какъ называетъ ихъ Діогенъ Лаерцій [4]), и части предложенія. Онъ создалъ, какъ говоритъ Белохъ, существующую до сихъ поръ грамматическую терминологію. Такого рода ученыя изслѣдованія имѣли у Протагора общую цѣль: облегчить преподаваніе эристики—искуства споровъ—и разработать теорію краснорѣчія—реторику. Написавъ книгу *τέχνη ἐριστικῶν*, Протагоръ по мнѣнію Винкельмана [5]) особен-

---

[1]) Белохъ. Исторія Греціи. Т. I. Стр. 486.

[2]) G. Grote. Histoire de la Grèce. trad. par. Sadous. 1866 г. t. 10. 189—90. Zeller. Ph. d. Gr. 1[4] 1018.

[3]) Aristotel. Rhetoric. III. 5. 1407 b.

[4]) IX. 52.

[5]) Platonis Euthydemus, recens. A Winckelmann. Lipsiae. 1833 г. XXIV p. «Periclis enim exemplo excitati, cum semel philosophiae et dialecticae lumen admotum esset eloquentiae, juvenes nobilissimi cupide arti, quae magno adjumento esset ad honores summos in re publica consequendos, studebant. Ac tantae erant hujus artis illecebrae et invitamenta, ut sensim sensimque non solum juvenes, sed etiam homines aetate provectiores ad Sophistarum scholas concurrerent. Jam etsi negari nequit, Eristicam Sophistarum vanae cujusdam ostentationis haud expertem fuisse et hos rerum ipsarum parum curiosos, verba premere solitos, notiones ipsas plus justo neglexisse, nec tamen in eo acquievisse putandi sunt, ut imperitorum mentes conclusiunculis suis et fallaciis perturbarent».

но способствовалъ развитію эристики въ Аѳинахъ. До какой степени преданы были греки страсти къ спорамъ—это мы видимъ изъ сочиненій Платона: и въ Филебѣ, и въ Софистахъ есть на это не одно указаніе. Упомянутое уже нами положеніе Протагора, что о каждой вещи существуютъ два противоположныхъ сужденія, предоставляло ему широкое поле для развитія діалектическихъ тонкостей. Образцомъ можетъ служить приведенный разсказъ о процессѣ съ Эватломъ. Эристика, пріучая къ діалектической ловкости, пріучала къ убѣдительной и связной рѣчи—это уже былъ шагъ къ реторикѣ. Въ реторикѣ Протагоръ не былъ творцомъ, но былъ первымъ, заговорившимъ о такъ называемыхъ „общихъ мѣстахъ“ [1]). Целлеръ придаетъ особенное значеніе практическимъ занятіямъ Протагора, какъ оратора [2]). Въ подтвержденіе онъ, между прочимъ, указываетъ на сохранившійся у Стобея Флора отрывокъ, утверждающій что Протагоръ различалъ „искуство безъ упражненій“ и „упражненія безъ искуства“. Между тѣмъ по свидѣтельству діалектика Артемидора [3]), Протагоръ *πρῶτος κατέδειξε τὰς πρὸς τὰς θέσεις ἐπιχειρήσεις*, то есть первый училъ доказательству предложенныхъ вопросовъ. Поэтому, соглашаясь съ мнѣніемъ Целлера, въ тоже время нельзя не замѣтить, что теоретическая часть реторики, хотя и не въ томъ, конечно, видѣ, какою она является, напр. у Аристотеля, обязана основнымъ положеніямъ философіи Протагора можетъ быть больше, чѣмъ кому бы то ни было. Не даромъ Протагоръ имѣлъ самый большой успѣхъ въ публикѣ [4]), не даромъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся мастеровъ дѣлать слабѣйшую мысль болѣе сильной: *τὸν ἥσσω λόγον κρέσσω ποιεῖν* [5]).

---

[1]) Loci communes, по гречески *θέσεις*, то есть rerum illustrium disputationes, какъ выражался Цицеронъ.

[2]) Zeller. I[4]. 1014. Прим. 2.

[3]) Приведено у Diog. Laert. IX. 51.

[4]) Zeller. I[4]. 1017.

[5]) Mullach. Fr. ph. graec. v. II. LX.

Одной внѣшностью нельзя было подѣйствовать на толпу, доказывая ей завѣдомую ложь; нужна была убѣдительность, нужна была логическая сила, а ихъ едвали можно было имѣть безъ хорошей теоріи, безъ тщательнаго предварительнаго изученія элементовъ и пріемовъ ораторской рѣчи. Діогенъ Лаерцій далѣе оставилъ намъ схему дѣланія такихъ рѣчей, предложенную Протагоромъ. Протагоръ дѣлилъ рѣчь на 4 части: мольбу, вопросъ, отвѣтъ, правило [1]).

Работами въ области грамматики и реторики заканчиваются ученыя заслуги Протагора. Интересно посмотрѣть, какое вліяніе оказалъ этотъ софистъ на своихъ современниковъ и ближайшее ихъ поколѣніе, оставилъ ли онъ послѣ себя философскую школу?

Философской школы въ строгомъ смыслѣ этого слова Протагоръ не оставилъ. Въ числѣ его учениковъ упоминаются Андимеръ Мендейскій, Эватлъ, Архагоръ, Ѳеодоръ Киренаикъ, но ото всѣхъ ихъ не дошло до насъ ничего кромѣ именъ. Ни дальнѣйшей разработки идей Протагора, ни выдающейся пропаганды ихъ—они не произвели. Больше другихъ заслуживаютъ вниманія Эвтидемъ и Діонисодоръ [2]), братья изъ Турія, занимавшіеся эристикой, о доктринѣ которыхъ Платонъ высказался въ Кратилѣ [3]) въ томъ смыслѣ, что она вытекаетъ изъ положенія Протагора о критеріи истины. „Если, говоритъ тамъ устами Сократа Платонъ одному изъ собесѣдниковъ діалога, человѣкъ мѣра есть всѣхъ вещей, то тѣмъ менѣе

---

[1]) Diog. Laer. IX 54. Mullach. vol. II LXXIII. Прим. 51, гдѣ собраны свѣдѣнія о грамматическихъ изысканіяхъ Протагора.

[2]) Доказательство, что они были учениками Протагора см. у Карпова. «Сочиненія Платона». Часть I. Стр. 170. Винкельманъ говоритъ: «De praeceptoribus horum sophistarum nil constat, quanquam similitudo quae dam disciplinae eo perducit, ut Protagora magistro eos usos esse statuendum sit». Цитированное сочиненіе. XXV p.

[3]) Vitringa. «De sophistarum scholis, quae Socratis aetate Athenis floruerunt», Mnemosyne. 1853. Leyden. стр. 227—8.

ты долженъ признавать положеніе Евридема: *πᾶσι πάντα ὁμοίως εἶναι ἅμα καὶ ἀεί*, то есть для всѣхъ и всегда истинно то, что каждый воспринимаетъ поодиночкѣ [1]). Эвтидемъ и Діонисодоръ до того извратили мысль своего учителя, что стало невозможнымъ какое бы то не было философское изслѣдованіе. Они добивались только, чтобы защитить истину и ложь, не заботясь ни о пользѣ, ни объ истинѣ [2]). Кромѣ этихъ учениковъ, по отдаленному сходству въ идеяхъ, къ числу послѣдователей Протагора можно отнести еще Ксеніада, утверждавшаго, что всѣ людскія мнѣнія ложны [3]). Близость этой мысли къ мысли Протагора объ относительности нашихъ представленій очевидна. Не оставивъ послѣ себя философской школы, Протагоръ однако имѣлъ вліяніе какъ на современниковъ, такъ и на потомство. Его практическая дѣятельность совпадала съ общей дѣятельностью софистовъ—этихъ, по выраженію Виндельбанда, распространителей греческаго просвѣщенія; его теоретическія воззрѣнія, вполнѣ соотвѣтствуя духу времени, служили формой выраженія для крайняго индивидуализма, воцарившагося въ греческомъ обществѣ послѣ персидскихъ войнъ. Въ общемъ собраніи сочиненій, которые дошли до насъ подъ именемъ Гиппократа, есть одно подъ заглавіемъ *περὶ τέχνης*, которое носитъ на себѣ явные слѣды вліянія Протагора. Гомперцъ издалъ его съ переводомъ, историко-критическимъ вступленіемъ и примѣчаніями въ Sitzungsberichte Вѣнской академіи наукъ 1890 г. Появленіе этого изданія вызвало интересъ въ ученомъ мірѣ и въ слѣдующемъ году П. Наторпъ помѣстилъ въ журналѣ Philologus бойкую

---

[1]) Wells говоритъ объ Эвтидемѣ: «held consistently the apparently ridiculous opinion, that a man is always and in every respect that which he is at any moment and at all. He held it so consistently, that it is attached to his name». The Euthydemus of Plato. London, 1881 г. p. XXIII.

[2]) Vitringa. l. l. стр. 228.

[3]) Секстъ Эмпирикъ. Adv. math. VII. стр. 275 и Zeller I². 988; прим. 1.

статью „Protagoras und sein Doppelgänger“, въ которой доказываетъ, что содержаніе книги *περὶ τέχνης* по меньшей мѣрѣ тожественно съ тѣмъ, что проповѣдывалъ Протагоръ [1]) и что авторъ этого сочиненія долженъ быть или самъ Протагоръ или его двойникъ. *Περὶ τέχνης* относится ко второй половинѣ пятаго вѣка до Р. Х. и такимъ образомъ, не вѣря въ возможность доказать принадлежность книги тому или другому автору только по сходству нѣкоторыхъ его взглядовъ съ чьимъ нибудь ученіемъ, мы можемъ утвердительно сказать, что вліяніе Протагора выражалось даже въ появленіи родственныхъ ему по духу ученыхъ статей.

Мѣсто Протагора въ исторіи греческой философіи.

Опредѣлимъ въ главныхъ чертахъ историческое положеніе Протагора. Изъ своихъ предшественниковъ на пути философскаго развитія древне-греческой мысли онъ больше всѣхъ былъ обязанъ Гераклиту, изъ своихъ преемниковъ онъ больше всѣхъ оказалъ услугъ Демокриту и Платону. По отношенію къ этимъ тремъ философамъ мы и разсмотримъ дѣятельность Протагора.

При изложеніи теоріи познанія софиста было установлено, что его ученію принадлежитъ пять теоремъ: матерія текуча; матерія безкачественна; знаніе происходитъ изъ ощущеній: подлинная форма бытія есть относительность; человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Первая изъ этихъ теоремъ есть теорема Гераклита. Ничего нѣтъ въ мірѣ постояннаго и остающагося

---

[1]) Philologus. 1891, 278.

въ неподвижности, училъ этотъ Эфесскій философъ. *Πάντα ρεῖ*— все течетъ, все мѣняется. Нельзя дважды войти въ одну и ту же рѣку, говоритъ онъ, ибо одна вода смѣняется другой [1]). Въ этомъ измѣненіи состоитъ сущность вещей; ни одна вещь не есть та или другая; она становится таковою въ движеніи естественной жизни [2]). „Существующій міровой порядокъ, одинаковый для всего, не созданъ ни богами, ни людьми, но всегда онъ былъ, есть и будетъ вѣчно живущимъ огнемъ, который по извѣстному закону то вспыхиваетъ, то угасаетъ“ [3]). Матерія едина. Какъ жизненный принципъ она сродна душѣ. Какимъ же образомъ происходитъ и что можетъ дать зависящій отъ матеріи актъ познанія? Косвенный отвѣтъ на это находится въ варіантѣ приведеннаго отрывка. „Мы входимъ и не входимъ, говоритъ Гераклитъ, въ одну и ту же рѣку, мы существуемъ и не существуемъ“ [4]). Видоизмѣненія матеріи происходятъ одновременно и въ рѣкѣ и въ нашемъ тѣлѣ; внѣ насъ и въ насъ. Глазъ видитъ кусокъ мѣлу; мѣлъ незамѣтно, но постоянно мѣняется, то отъ движенія воздуха, то отъ химическихъ причинъ. Глазъ въ свою очередь тоже мѣняется, какъ живая матерія. Очевидно, что два ряда такихъ измѣненій не позволятъ схватить ничего кромѣ случайныхъ феноменовъ. Подлинныхъ вещей въ матеріи мы

---

[1]) *Ποταμοῖσι τοῖσι αὐτοῖσι ἐμβαίνουσι ἕτερα καὶ ἕτερα ὕδατα ἐπιῤῥέει.* Mullach. Vol, I. 317. Отрывокъ 22.

[2]) Zeller 1*. 583. «Kein Ding ist dieses oder jenes, sondern es wird es nur in der Bewegung des Naturlebens».

[3]) *Κόσμον τὸν αὐτὸν ἁπάντων οὔτε τις θεῶν οὔτε ἀνθρώπων ἐποίησεν· ἀλλ' ἦν ἀεὶ καὶ ἔσται πῦρ ἀείζωον, ἁπτόμενον μέτρῳ καὶ ἀποσβεννύμενον μέτρῳ.* Mullach. v. I. 27 отрывокъ. 318 стр.

[4]) *Ποταμοῖς τοῖς αὐτοῖς ἐμβαίνομέν τε καὶ οὐκ ἐμβαίνομεν, εἰμέν τε καὶ οὐκ εἰμεν.* Mullach. v. I. стр. 326. Отрывокъ 83.

не воспринимаемъ. Зависящее отъ матеріи чувственное познаніе—относительно [1]). Вотъ почему мы находимся среди кажущихся явленій—существуемъ и не существуемъ.. Эта мысль Гераклита implicite заключала въ себѣ другія теоремы Протагора, а также послѣднюю изъ нихъ: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Продумавъ систему своего предшественника, Протагоръ, откинулъ его ученіе о міровомъ огнѣ, сдѣлалъ изъ его посылокъ крайніе выводы и далъ этимъ выводамъ своеобразную формулировку.

Протагоръ былъ мальчикомъ, когда умеръ Гераклитъ. Изъ сверстниковъ Протагора самымъ выдающимся ученымъ былъ его землякъ, знаменитый смѣющійся философъ, Демокритъ. Демокритъ въ нѣкоторомъ отношеніи былъ уже ученикомъ Протагора. Онъ полагалъ, что ничто не происходитъ изъ ничего; ничто не уничтожается, а всякое измѣненіе есть только соединеніе и раздѣленіе частей. Эти части—атомы—вѣчны и неизмѣнны такъ же, какъ и заключающее ихъ пустое пространство. Атомы безконечны числомъ и безконечно разнообразны по формѣ. Въ вѣчномъ движеніи большіе атомы, падая скорѣе, ударяются о малые и отъ этихъ встрѣчныхъ ударовъ получается круговоротъ матеріи, изъ котораго образуется міръ. Качественнаго различія атомовъ не существуетъ, но душа состоитъ изъ мелкихъ, гладкихъ и круглыхъ атомовъ, подобныхъ атомамъ огня. Это самыя подвижные атомы и отъ ихъ движенія, проникающаго все тѣло, происходятъ явленія жизни [2]). Для каждой психической функціи есть свои особыя движенія атомовъ.

---

[1]) О теоріи познанія Гераклита сохранились свѣдѣнія у Секста Эмпирика.(П. Таннри. «Первые шаги древнегреческой науки». Переводъ съ предисловіемъ проф. А. И. Введенскаго. С.-Петербургъ. 1902 г. Приложеніе стр. 28. § 13.)

[2]) Ф. Ланге. Исторія матеріализма. Переводъ Страхова. Петербургъ. 1881 г. т. I стр. 15—24.

Поэтому ощущенія объясняются тѣмъ, что ото всѣхъ данныхъ намъ въ опытѣ тѣлъ отдѣляются весьма малыя частички, проникающія въ наши органы чувствъ. Эти частички приводятъ въ движеніе атомы огня и это движеніе есть ощущеніе. По взгляду Демокрита, такое движеніе не можетъ быть правильнымъ выраженіемъ истинной природы вещей: оно зависитъ не только отъ воздѣйствующей среды, но и отъ самостоятельныхъ движеній атомовъ огня. Ощущенія относительны. Только утверждается, что нѣчто горько или сладко, тепло или холодно, на самомъ же дѣлѣ существуютъ атомы и пустое пространство. Къ истинному познанію ведетъ только разумъ [1]). Демокритъ говорилъ: ἐν βυθῷ ἡ ἀλήθεια—истина скрыта, разоблачить ее—задача философа. Какія же точки соприкосновенія существуютъ у Демокрита и Протагора? Прежде всего бросается въ глаза проповѣдь субъективизма. Чувства не достовѣрны или истинны только въ каждый данный моментъ. Но субъективизмъ Протагора не то, что субъективизмъ Демокрита. По Протагору органы чувствъ производятъ качества напр. глазъ бѣлизну, а предметы—ощущеніи напр. зрѣніе, такъ что возможна только личная истина. По Демокриту, напротивъ, чувства, приводя къ качественнымъ опредѣленіямъ, предполагаютъ познаніе вещей per se, такъ что возможна обязательная для всѣхъ, общая истина—атомы и пустое пространство. Протагоръ развивалъ ученіе Гераклита и точка отправленія его теоріи познанія лежитъ внѣ насъ, въ матеріи. Ощущенія, по его, взгляду не возникаютъ въ насъ, а исходятъ къ намъ отъ предметовъ. Поэтому Брошаръ говоритъ, что Протагора можно отнести къ числу тѣхъ фило-

---

[1]) Виндельбандъ. Іь. стр. 139. «Истинное познаніе—γνησίη γνώμη, познаніе недоступныхъ для воспріятія нашими органами чувствъ атомовъ и настолько же скрытаго отъ насъ пустого пространства—можетъ дать только мышленіе».

софовъ досократовскаго періода, общимъ лозунгомъ которыхъ была формула: нельзя думать о томъ, чего нѣтъ. Демокритъ, наоборотъ первый былъ нарушителемъ этого завѣта. Объявивъ субъективность чувственныхъ качествъ, онъ выставилъ положеніе, что можно думать о томъ, чего нѣтъ [1]). Онъ искалъ твердой точки опоры для знанія и нашелъ его въ первомъ пробномъ камнѣ раціонализма—въ динамической теоріи недоступныхъ опыту матеріальныхъ частицъ. Демокритъ пошелъ дальше Протагора, хотя и воспринялъ его ученіе о субъективности знанія. Субъективизмъ Протагора былъ абсолютнымъ; субъективизмъ Демокрита относительнымъ.

По пути, впервые проторенному Демокритомъ, послѣдовалъ Платонъ. Подобно Демокриту, Платонъ отказалъ чувствамъ въ достовѣрности получаемаго отъ нихъ знанія и пришелъ къ убѣжденію, что одинъ только разумъ можетъ дать истину. Однако онъ велъ свои изысканія совершенно иначе, чѣмъ знаменитый смѣющійся философъ. Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Его умъ былъ болѣе чуткъ; его философскій опытъ былъ болѣе обширенъ, и онъ не могъ не видѣть въ

---

[1]) См. цитированную статью Protagoras et Dèmocrite. «L'argumentation de Protagoras nous apparaît donc comme dominée par le principe commun à toutes les philosophies antérieures à Platon, et qu'on retrouve même chez Platon: on ne pense pas (ou on ne sent pas, on ne se représente pas) ce qui n'est pas ... «(стр. 374)» Democrite ne voulut pas se contenter d'une conception qui, en fin de compte, ruinait la sciense. Il chercha la vérité ailleurs..... Sextus exprime clairement cette doctrine en disant, VIII, 184: *Δημόκριτος μηδὲν ὑποκεῖσθαι φησιν τῶν αἰσθητῶν, ἀλλὰ κενοπαθείας τινὰς εἶναι τὰς ἀντιλήψεις αὐτῶν, καὶ οὔτε γλυκύ τι περὶ τοῖς ἐκτὸς ὑπάρχειν, οὐ πικρὸν ἢ θερμὸν ἢ ψυχρὸν ἢ λευκὸν ἢ μέλαν, οὐκ ἄλλο τι τῶν πᾶσι φαινομένων· παθῶν γὰρ ἡμετέρων ἦν ὀνόματα ταῦτα.* Pour la première fois, le lien qui unissait l'être à la pensée, la réalité à la représentation, était rompu: c'est un moment décisif dans l'histoire de la philosophie. Briser ce lien était à la vérité une grande hardiesse: c'était une sorte de scandale logique: cela signifiait qu'on peut penser ce qui n'est pas.» (стр. 375—6).

какія бездны противорѣчія заводитъ человѣка матеріализмъ вообще, а атомистическая теорія въ частности. Платонъ, какъ и Демокритъ, принявъ положеніе Протагора о безкачественности матеріи, показалъ, что въ такомъ случаѣ, будучи понятіемъ, лишенныхъ всякаго содержанія, она не что иное, какъ μὴ ὄν то есть пустое пространство, но въ то же время Платонъ отъ вещей внѣ насъ сумѣлъ обратиться къ тому, что находится въ насъ самихъ; онъ выдвинулъ на видъ психическую сторону человѣка,—въ данныхъ психической жизни нашелъ болѣе прочные признаки неизмѣннаго бытія ὄντως ὄν. Чувственныя вещи подвержены перемѣнѣ, училъ онъ, понятія—нѣтъ; тѣ движутся—эти пребываютъ. Платонъ гипостазировалъ понятія, перенесъ ихъ въ заоблачный міръ, создалъ для нихъ особое царство вѣчныхъ неизмѣнныхъ сущностей и, такимъ образомъ, совершенно порвалъ связь между міромъ явленій и міромъ подлиннаго бытія. Убѣжденіе Демокрита, что можно думать о томъ, чего нѣтъ—нашло въ Платонѣ жаркаго сторонника, получило у него свое особенное психологическое толкованіе и, благодаря Платону, явилось послѣднее въ исторіи греческой философіи рѣшеніе впервые ясно поставленнаго Протагоромъ гносеологическаго вопроса о томъ, какова бываетъ и что такое есть истина. Гераклитъ, Протагоръ, Демокритъ и Платонъ это непрерывный рядъ крупныхъ работниковъ на поприщѣ теоріи познанія и мѣсто одного изъ нихъ опредѣляетъ мѣсто другого.

Современные взгляды на ученіе Протагора.

Мы опредѣлили въ главныхъ чертахъ историческое мѣсто Протагора, принимая во вниманіе только его теорію познанія. Мы сдѣлали это не случайно. Этика Протагора почти не имѣла прямого, непосредственнаго вліянія на ученія ближайшихъ къ софисту философовъ. Можно сказать, этика Протагора, по своему ха-

рактеру, представляется чуть ли не единичнымъ явленіемъ во всей исторіи греческой философіи. Чему училъ Протагоръ? Онъ только указывалъ, что для людской общественности есть необходимыя, заложенныя въ самой нашей природѣ, условія: безъ стыда и правды не можетъ жить человѣкъ. Согласно сообщеніямъ Платона и другихъ авторовъ Протагоръ еще прибавлялъ, что эти прирожденныя начала нужно развивать въ человѣкѣ наукой. Протагоръ не давалъ строго систематическаго свода правилъ поведенія, въ основѣ которыхъ лежала бы одна общая мысль. Целлеръ былъ вправѣ посвятить вліянію Протагора въ области этики только краткую замѣтку [1]), сказавъ, что право у Протагора является естественнымъ закономъ, и что у него еще нѣтъ различія между правомъ естественнымъ и позитивнымъ, какъ это имѣетъ мѣсто у послѣдующихъ софистовъ. Что касается вопроса о вліяніи Протагора въ исторіи новой философіи, то онъ выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи. Можно указать на сближеніе, которое не безъ основанія дѣлаетъ въ своей книгѣ Hargf [2]) между ученіемъ Протагора о стыдѣ и ученіемъ Шотландской школы о моральномъ чувствѣ. Подобныя сближенія ставятъ на очередь вопросъ о томъ, какіе взгляды на ученіе Протагора существуютъ въ наше время въ наукѣ.

Отзывы ученыхъ о Протагорѣ можно раздѣлить на два разряда: одни относятся къ выясненію его историческаго положенія, другіе къ толкованію его гносеологіи и метафизики.

Хронологическое положеніе Протагора опредѣлялось ранѣе такъ, что Демокритъ считался учителемъ Протагора. Теперь это мнѣніе оставлено. Уже Ал. Ланге въ своей „Исторіи

---

[1]) Zeller. Ib. 1⁴. 1001.

[2]) Hargf. Die Ethik des Protagoras etc. Не имѣя подъ руками книги этого автора, мы пользовались критическимъ отзывомъ о немъ въ Revue philosophique 1886 г. v. XXII. p. 201.

матеріализма“ [1]) хотя разсматриваетъ, подобно Целлеру, ученіе Демокрита ранѣе ученія Протагора, но высказываетъ мысль, что Протагоръ обозначаетъ поворотъ въ исторіи греческой философіи. Протагоръ первый исходилъ изъ субъекта и въ этомъ отношеніи является предшественникомъ Сократа, хотя онъ еще и тѣсно примыкаетъ къ матеріализму. Сенсуализмъ Протагора А. Ланге считаетъ очень сходнымъ съ релятивизмомъ Бюхнера и Молешотта. Викторъ Брошаръ, повидимому впервые установилъ, что Протагора нельзя считать ученикомъ Демокрита, который написалъ противъ Протагора даже цѣлую книгу. Наторпъ указываетъ на то, что въ ученіи Протагора есть элементы не только гераклитизма, но и элейцевъ [2]).

Что касается толкованія главнаго положенія Протагора; человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, то оно дѣлалось съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Начнемъ съ Целлера, взгляда котораго придерживаемся сами. Выраженіе: *πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ οὐκ ὄντων ὡς οὐκ ἔστι* Целлеръ переводитъ такъ: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, сущаго, какъ оно есть и не сущаго, какъ его нѣтъ [3]). Смыслъ предложенія, говоритъ Целлеръ, ясенъ изъ выраженія Платона въ Тэететѣ: *οἷα ἂν δοκῇ ἑκάστῳ τοιαῦτα καὶ εἶναι*— что кому кажется, таково оно и есть. Вещь можетъ казаться, какъ существующей, такъ и нѣтъ. Въ словахъ *ἂν δοκῇ* все дѣло. Переводя знаменитое изрѣченіе словами: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, сущихъ, какъ они есть, и не сущихъ, какъ ихъ нѣтъ, мы только ближе придерживались подлинника. Смыслъ нашего перевода одинаковъ съ тѣмъ, который нахо-

---

[1]) Т. I. 1881 г. стр. 33.

[2]) Philologus. 1891 г. стр. 275—6. Въ своихъ Forschnfogen zur Gosch. des Ekkenntnissproblems. im Alterthum. (Berlin 1884 г.) Наторпъ не касался этого вопроса. Происхожденіе ученія Протагора стр. 48 и слѣд.).

[3]) Zeller. Ib. стр. 982.

димъ у Целлера. Ал. Ланге [1]) понимаетъ ученіе Протагора почти такъ же, какъ и Целлеръ: каждый человѣкъ въ каждый данный моментъ есть мѣра вещей. Ланге не находитъ противорѣчія въ словахъ Протагора, что противоположные утвержденія вѣрны. Это имѣетъ значеніе не съ точки зрѣнія логики, не въ устахъ одного и того же индивидуума, а съ точки зрѣнія двухъ различныхъ индивидуумовъ: „При каждомъ положеніи съ одинаковомъ правомъ можно утверждать и противоположное, если только находится кто нибудь, кому это такъ кажется“. Въ 1889 г. Гансомъ Гейслеромъ было высказано мнѣніе [2]), что положеніе Протагора имѣетъ чисто субъективный смыслъ. Оно должно быть переводимо такимъ образомъ: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, существующихъ, какъ онъ есть. и не существующихъ, какъ онъ не есть. Центръ тяжести фразы, по мнѣнію Гейслера, лежитъ не въ понятіи χρήματα, а въ понятіи ἄνθροπος. Въ журналѣ Fleckeisens Jahrbüher f. class. phil. Seliger [3]) написалъ по поводу мнѣнія, Гейслера обширную статью, въ которой съ большимъ искусствомъ, на основаніи свидѣтельствъ Платона, Аристотеля, Секста Эмпирика и другихъ авторовъ доказывалъ несостоятельность подобнаго взгляда. По его взгляду, такой антропологизмъ совершенно былъ чуждъ всей древней исторіи философіи. Брошаръ, примкнувъ къ этому мнѣнію, указалъ [4]), что ученіе Протагора было объективнымъ релятивизмомъ. Протагоръ былъ реалистъ и полагалъ, что ощущеніе истинно, ибо есть бытіе внѣ насъ. Первымъ субъективистомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова Брошаръ считаетъ Демокрита. Гомперцъ

---

[1]) Ист. мат. т. I. стр. 34. А. Ланге. Перев. Страхова.

[2]) Zeitschr. für phil. und philos. Kritik. bd. XCII. Heft I. Мы имѣли подъ руками только изложеніе статьи.

[3]) 1889 г. стр. 401—413.

[4]) L. I. 372—373.

въ изданіи указаннаго псевдогиппократовскаго сочиненія *περὶ τέχνης* [1]) далъ новое толкованія положенія Протагора. Онъ задался задачей найти параллель между взглядами, приводимыми въ этомъ сочиненіи, и взглядами Протагора. Поэтому все толкованіе Гомперца сводится къ тому, что бы придать положенію Протагора смыслъ равносильный фразѣ: *τὰ μὲν ἐόντα ἀεὶ ὁρᾶταί τε καὶ γιγνώσκεται, τὰ δὲ μὴ ἐόντα οὔτε ὁρᾶται οὔτε γιγνώσκεται*—сущее всегда созерцается и, познается, а не сущее ни созерцается, ни познается. Гомперцъ думаетъ, что положеніе Протагора надо переводить такъ: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей,—тѣхъ которыя есть, что онѣ есть,—тѣхъ, которыхъ нѣтъ, что ихъ нѣтъ. Наторпъ, о статьѣ котораго мы уже говорили, ради подтвержденія мысли Гомперца, подробно разобралъ каждое слово положенія Протагора [2]). Изъ русскихъ ученыхъ можемъ привести о Протагорѣ мнѣніе кн. С. Трубецкаго [3]), который считалъ Протагора діалектикомъ. Всѣ приведенныя мнѣнія доказываютъ на нашъ взглядъ два факта: во первыхъ, существующій въ ученомъ мірѣ интересъ къ философіи Протагора, а во вторыхъ, краткость и потому неясность его выраженій, которыя допускаютъ множество комментарій. Изъ этихъ комментарій мы отдаемъ предпочтеніе пониманію Целлера потому, что оно согласно съ утвержденіемъ Аристотеля и Секста Эмпирика. Между тѣмъ Аристотеля и Секста Эмпирика мы считаемъ главными и самыми достовѣрными источниками гносеологіи Протагора.

Бросимъ теперь общій взглядъ на разнообразную дѣятельность великаго софиста. Это былъ серіозный человѣкъ,

[1]) Sitzungsberichte der philol.-histor. classe der. Kais. Akad. d. Wissenschaft. Wien. 1890 г. Die Apologie der Keilkunst. p. 26—29.

[2]) Philologus L, 1891, 262—287.

[3]) Кн. Сергѣй Трубецкой. Метафизика въ древней греціи. Москва. 1890 г. стр. 419.

педагогъ, лингвистъ, ораторъ, по своему времени энциклопедистъ, ученый съ большимъ философскимъ дарованіемъ, который, правда, не далъ цѣльной философской системы, но который сыгралъ свою видную роль въ исторіи человѣческой мысли, забросивъ въ движеніе науки двѣ—три плодотворныхъ идеи, при поверхностномъ взглядѣ отрицательнаго характера, но при ближайшемъ ознакомленіи имѣющихъ въ исторіи философіи положительное значеніе. Словомъ, это былъ философъ, впервые до Сократа поставившій человѣка въ центрѣ вселенной, указавшій вѣрныя основы научной этики и положившій начало научнаго изученія органа нашей рѣчи. Съ истиннымъ удовольствіемъ теперь—больше, чѣмъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ—можно взглянуть на этого мудреца-софиста и, идя по начатому имъ пути, развивать далѣе въ сжатой формѣ высказанныя имъ идеи. Наука движется постепенно; каждая ступень въ ней служитъ подножіемъ для новой ступени и софистъ-Протагоръ представляетъ прекрасный примѣръ того, что самая отрывочная и мелкая работа въ области знаній никогда не пропадаетъ безслѣдно.

И. Ягодинскій.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук СССР